

УДК 101.1

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МАССОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А.А. Линченко

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Липецк

Предпринимается попытка применения методологии деятельностного подхода к выявлению сущности массового исторического сознания, что актуализирует праксиологический аспект исследования. Выявляется посредническая роль коммеморативных практик в процессах взаимосвязи социальной практики, социальной памяти и массового исторического сознания. Делается вывод о том, что существующие исследования коммеморативных практик представляются недостаточными в силу того, что затрагивают по большей части официальные институты социальной памяти. Анализируются повседневные и неповседневные коммеморативные практики, а также специфика присущих им способов исторической идентификации. Среди повседневных коммеморативных практик, оказывающих наиболее важное значение на формирование и трансформацию массового исторического сознания, выделяются практики труда, быта и досуга.

Ключевые слова: *массовое историческое сознание, деятельностный подход, историческая идентичность, исторический опыт, социальная память, коммеморативные практики.*

В современных условиях одной из наиболее эффективных методологий анализа исторического сознания оказывается деятельностный подход, который можно рассматривать как альтернативную герменевтике, конструктивизму и нарратологии исследовательскую стратегию изучения исторического сознания. С точки зрения деятельностного подхода историческое сознание есть определенная сторона социального бытия, воспроизводящая его непрерывное движение во времени, способ самоосмысления исторического бытия (онтологический аспект), совокупность различных типов и форм знаний о прошлом, воспроизводящих историческое бытие в виде определенной картины исторической реальности (гносеологический аспект), форма духовной культуры общества и рефлексивный план исторической культуры общества, совокупность оценок и интерпретаций в отношении прошлого, служащих средством обретения идентичности в настоящем и ориентаций на будущее в потоке универсальной историчности человека (аксиологический аспект),

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант МК–3670.2015.6).

предмет, условие, момент и результат преемственности человеческой деятельности, все многообразие форм исторического опыта (праксиологический аспект), передаваемого из поколения в поколение в процессе соотношения традиционного и нового (антропологический аспект).

Вместе с тем всякий, кто берется изучать массовое историческое сознание, сталкивается с явным или неявным значением социальной памяти, что делает необходимым обращение к современным её исследованиям, и в первую очередь выполненным в рамках процессно-реляционной методологии [1–4]. Развитие идей П. Бурдьё в отношении реляционного понимания социального пространства получило продолжение в рамках исследований социальной памяти. Более того, в современных исследованиях вообще говорят о трансформации концепта «коллективная память» в сторону исторической социологии коммеморативных практик [2]. Данный факт для нас особенно важен, поскольку современные *memory-studies* и исследования исторического сознания явно перенаправляются в сторону исторических и социологических аспектов анализа, упуская необходимость определенной социально-философской позиции. Одним из наиболее известных вариантов процессно-реляционного подхода к социальной памяти является методология анализа памяти Д. Олика, который предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных социальных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. Память оказывается зависимой, во-первых, от её социального контекста, во-вторых, от средств передачи памяти, в-третьих, от жанровой специфики дискурса. Социальная память оказывается не причиной или продуктом, а частью процесса самоопределения общества [3, с. 57].

Совершенно очевидно, что социальная память и историческое сознание – это динамичные системы, представляющие собой не только непосредственные знания о прошлом, но и постоянные процессы их реконфигурации, зависящие от контекста социальной среды и деятельности, полей и средств передачи памяти. В данном случае праксиологический аспект явно начинает тяготеть в сторону онтологического аспекта изучения памяти и исторического сознания. При этом необходимо помнить, что методологии исследования, применимые к социальной памяти, не всегда могут быть перенесены на исследование исторического сознания хотя бы в силу того, что момент рациональности и телеологичности в последнем более выражен. Социальная память как совокупность коммеморативных практик может лежать и за пределами рациональной рефлексии. Это относится и к процессам реконфигурации коммемораций в социальной памяти. Однако было бы ошибкой однозначно разводить социальную память и историческое сознание по линии «рациональное–иррациональное», поскольку в вышеперечисленных соци-

альных явлениях присутствуют в разной мере как и рациональное, так и иррациональное. Историческое сознание всегда оказывается определенной стороной социальной памяти, постоянно находящейся на перекрестке прошлого и настоящего, а также поиска ориентиров будущего. Выступая внутренним рефлексивным планом исторической культуры, оно постоянно присутствует в самих реконструкциях памяти, существуя в форме момента схватывания определенного участка исторического опыта как опыта памяти. Все вышесказанное позволяет нам говорить, что отправной точкой в нашем анализе исторического сознания оказывается преимущественно деятельностный подход, который, вне всяких сомнений, должен учитывать современную направленность *memory-studies*.

В этой связи наиболее важной сферой анализа массового исторического сознания представляется именно практическая деятельность, многообразные формы практической жизни людей. Исследование прагматического аспекта массового исторического сознания также представляется важным в силу той роли и значения, какое занимает «практический поворот» в современной философии. Язык и действие, речь и повседневные практики, фактичность значения давно уже находятся в фокусе современного философствования как в рамках герменевтики, феноменологии, так и в рамках социально-критической философии, обновленных версиях прагматизма (Х. Йоас). Не стоит забывать также и о различных теориях практик в современной социологии. В довершение ко всему отметим, что именно в области практики, практической жизни лежит точка соприкосновения различных методологий исследования исторического сознания, вопросы понимания его сущности и структуры. Более того, выявление роли практики в понимании массового исторического сознания, на наш взгляд, может увести исследования исторического сознания от опасностей универсализации, единой монотеории, этноориентированных концепций его структуризации и классификации в связи с тем, что ведь сама практическая парадигма сегодня воспринимается исследователями во многом как достаточно удобная территория для междисциплинарных исследований.

Несмотря на то что проблемы практики и практической деятельности получили весьма обстоятельное рассмотрение в рамках марксистской традиции философствования, сегодня можно с полной уверенностью говорить о том, что они по-прежнему остаются открытыми. Если исходить из определения практики, восходящего к работам К. Маркса, то, говоря о практическом действии, обычно указывают на его объективно-материальный, чувственно-предметный, орудийно-конструктивный, реально-преобразующий, целеосуществляющий характер. Подобная трактовка практики, как известно, вела исследователей к следующей классификации типов практики: производство материальных благ (включая техническое конструирование средств труда и условий быта), социально-политическая деятельность, научный эксперимент или вообще опыт эм-

пирического исследования. Вместе с тем уже в отечественной литературе неоднократно задавались вопросы, существенно корректировавшие вышеуказанное определение практики. По мнению С.П. Щавелева, вышеуказанная трактовка практики вряд ли может быть применима к некоторым весьма важным направлениям человеческой жизнедеятельности (например, искусство, религия, игра) [5, с. 47]. Можно полностью согласиться с выводом С.П. Щавелева в том, что плюрализм дефиниций практики отнюдь не является показателем ее слабости, а наоборот свидетельствует как о богатстве содержания самой практики, так и обширности ее деятельностного, социокультурного контекста. Он также отмечает многозначность термина «практика», значения которого могут варьироваться в зависимости от сопоставления с такими понятиями, как «теория», «наука», «поведение», «познание» (теоретическое), «обучение» (умозрительное, аудиторное), «опыт». Если понимать предметно-практическую деятельность как сложную динамическую систему, то надо признать, что она (практика) может существенно изменяться как по степени и направлениям активности субъекта, характеру объекта (вся вещь или свойство, отношение, природное явление или общественный процесс, знаково-символическая система), так и по содержанию самого действия, мотивам и способам его осуществления: «...категория практики, таким образом, приобретает достаточно широкий, гибкий смысл реального свершения, реализации материальных и(ли) духовных способностей человека, возможностей общества. Не только сугубо вещное да телесное, но и идейное, душевное действие в той или иной степени практично, если оно каким-то образом овнешнено, способствовало тому самому изменению обстоятельств, которое, по справедливому заключению К. Маркса, на практике совпадает с человеческой деятельностью» [там же, с. 52]. Говоря об ориентированности деятельности на результат, А.С. Кравец полагает, что более корректно употреблять термин «цель», нежели термин «предмет», а принципом деятельности является даже не столько предметность, сколько субъектность [6, с. 28]. Предметная регуляция деятельности, в понимании Д.А. Леонтьева, есть лишь одна из форм регуляции, наряду со смысловой [7, с. 195]. Однако тезис о многообразии практик связан не только с расширением понимания предметности деятельности. В зарубежной литературе, посвященной практикам, теоретические положения которой восходят к работам Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, принято говорить о так называемых «фоновых практиках», понимаемых как привычные способы действия, дорефлексивно определяющие поведение человека, представляющие собой неэксплицированное знание и умение, конкретную деятельность, в которой слова и действия оказываются объединенными. В качестве примера можно привести точку зрения Дж. Сёрля, который понимает под фоновыми практиками совокупность принятых в культуре способов деятельности, навыков обращения с различными предметами [8, p. 227].

Важное методологическое значение для понимания специфики формирования исторического сознания на уровне практической деятельности играет понятие «практическое знание», которое сегодня трактуют как «процессы отражения и конструирования действительности, выработки и принятия решений, оценки эффективности их исполнения внутри продолжающейся практики; когнитивные моменты материально-преобразующей деятельности людей» [5, с. 43]. Это связано с тем, что в каждом конкретном случае различные фрагменты всей совокупности практик, образующих культурный фон практической деятельности, функционируют как практическое знание того, как необходимо обращаться с людьми и предметами для достижения определенных целей. Важная роль практического знания связана с тем, что историческое сознание, как и социальная память, это всегда в первую очередь определенная совокупность знаний о прошлом и исторического опыта. Однако связь между историческим сознанием и практическими знаниями реализуется не напрямую. В данном случае в структуре практики следует выделять особый слой практической деятельности, получивший в современной литературе наименование коммеморативных практик, под которыми современные исследователи понимают «повторяющуюся совокупность действий, обеспечивающих воссоздание образов прошлого, востребованных в актуальном социальном или политическом контексте» [4, с. 19]. При этом коммеморативные практики должны рассматриваться одновременно и как практики памяти, и как практики забвения, что зависит от социального контекста деятельности в отношении прошлого, специфики полагания опыта прошлого как предмета деятельности.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что одним из востребованных теоретико-методологических инструментов, позволяющих дать предварительный ответ на вопросы о классификации коммеморативных практик и специфике взаимосвязи между коммеморативными практиками социальной памяти и историческим сознанием как внутренним рефлексивным планом исторической культуры, является понятие «повседневность». Достаточно очевидным представляется тот факт, что повседневность не исчерпывает всех сторон практики, поскольку можно говорить и о неповседневных практиках. Однако именно дихотомия «повседневное–неповседневное» позволяет нам лучше понять специфику различных форм реактуализации исторического опыта в исторической памяти и историческом сознании.

Прошлое, а вернее, опыт прошлого, воплощающийся частично в знаниях о прошлом, а частично в привычных моделях и схемах поведения, не всегда укладывается в те формы мест памяти и соответственно коммеморативных практик, о которых писал П. Нора (топографические, монументальные, символические, функциональные) [9, с. 96]. Вернее, данные коммеморативные практики, заставляя индивида или коллектив людей обратиться к прошлому в силу определенных причин (в том чис-

ле и политических), по сути, нарушают привычный ход вещей, включая повседневное отношение к прошлому. Вопрос, следовательно, заключается в выделении повседневных и неповседневных коммеморативных практик, где первые оказываются менее тематизируемыми. Различие между ними лежит в специфике выделения опыта прошлого как предмета деятельности. В неповседневных коммеморативных практиках обращение к прошлому является важнейшей целью той или иной деятельности, будь то коммеморации или деятельность в рамках различных институтов памяти (например, архивов, библиотек, музеев). То же можно сказать и про туристические поездки, а также образовательные практики, где целью и предметом деятельности может являться прошлое как таковое. Как раз данный аспект коммеморативных практик оказался достаточно хорошо исследованным в современной литературе.

Сложнее дело обстоит с повседневными коммеморативными практиками, под которыми мы понимаем формы обращения к опыту прошлого в контексте различных видов повседневной деятельности, и прежде всего в труде, быте и досуге [10, с. 91]. В данном случае прошлое как таковое не является непосредственным предметом деятельности, что, однако, не отменяет реактуализацию исторического опыта и реконфигурацию воспоминаний.

Отечественные исследователи, говоря о повседневной деятельности как особой форме непосредственной человеческой деятельности, осуществляющейся в конкретной фактичности событийных ситуаций, выделяют следующие ее характерные особенности: рутинная однообразность трудовых будничных ритмов; типизированность, привычность и автоматизированность действий, которые совершаются с помощью подручных средств привычного предметного универсума; относительная статичность, неподвижность (застойность) бытийных структур; определенная темпоральная структура, связанная с временными режимами работы, домашних дел и свободного времени; укорененность в наличной действительности, затерянность-в-вещах; отсутствие ярко выраженных эмоциональных переживаний и всплесков; усредненная обезличенность; само-собой-разумеющееся понимание; превращенность и стереотипность сознания; экономия мышления и экономия действия; наивный реализм (естественная установка); национально-культурный и биографический контекст своего содержания; практическое единство бытия и сознания, их фактическая нерасчлененность [11, с. 260].

Учитывая данную специфику повседневности, отметим, что процессы памяти и забвения могут быть нетематизируемы, а исторический опыт может использоваться как опыт текущий, недавний. Модус времени и острота временного различия в данном случае оказываются сглажены (а вернее, подчинены ритму повседневной темпоральности), что как раз и позволяет неповседневным коммеморативным практикам пре-

вращаться в «яркие» события на фоне рутинизированной повседневной исторической культуры.

Если конкретизировать специфику повседневных коммеморативных практик, то надо заметить, что они являются частью соответствующих практик труда, быта и досуга. Обращение к прошлому, освоение исторического опыта, конфигурация воспоминаний в таком случае всегда будет производна от соответствующих целей, средств и получаемого результата деятельности. Освоение исторического опыта в подобном случае оказывается фрагментарным, отрывочным, всегда связанным с контекстом соответствующего действия. И вместе с тем, благодаря непосредственному характеру повседневности, механизмам рутинизации, коммуникативным процессам, исторический опыт превращается в традицию, формируя определенные повседневные стороны знаний о прошлом. В данном случае понятие «традиция» обозначает передачу навыков, представлений, обычаев во времени, в устной или личностной форме. Так, Э. Хобсбаум, говоря об изобретенных традициях, определяет их как набор практик, управляемых явно или неявно принятыми правилами и ритуалом, имеющим символическую значимость, цель которых – воспитание ценностей и норм поведения путем повторения, что автоматически предполагает преемственность по отношению к прошлому. В этом повторении рождается идентификация субъекта деятельности с той или иной частью прошлого, будь то вещно-предметный или смысловой универсум. Заметим, что данная сфера повседневной исторической идентификации нередко оказывается более устойчивой, чем официальные коммеморации, образовательные коммеморативные практики. Именно специфика исторической идентификации является тем механизмом, который постоянно переводит историческую память в рефлексивный план исторического сознания. Говоря об исторической идентификации, немецкий исследователь Й. Рюзен также отмечает, что это «определенные отношения между различными и изменяющимися измерениями собственного “Я” (индивидуального или коллективного). Эти измерения включают пол, нацию, религию, региональные контексты, основополагающие убеждения, страхи, надежды, желания. Они проявляют себя как в бессознательной, так и в сознательной сфере восприятия, знания и ориентации. Идентичность содержит многообразные точки зрения и соединяет различные сферы, ценности, нормы и опыт. Она опирается на самоотнесенность человеческого сознания, которая в то же самое время обусловлена отношениями к другим индивидам и людям. Таким образом, идентичность понимается как сложная и часто напряженная смесь отношений, основанных на эмоциях так же, как и на познавательных операциях» [12, с. 46].

Говоря о повседневных формах исторической идентификации, отметим специфику исторической идентификации в рамках трудовой, досуговой деятельности и деятельности быта. Идентификация и обра-

шение к отдельным элементам исторического опыта в рамках трудовой деятельности связаны, прежде всего с важной ролью орудий труда, поскольку исторически передача навыков и умений, а также практических знаний всегда осуществлялась в том числе и в процессе использования, хранения, изготовления орудий труда. Однако передача трудовых навыков предполагает и определенную культуру труда, понимаемую в данном аспекте как совокупность трудовых традиций, принципов труда, ценностных ориентиров труда, реализующихся в специфическом отношении к целям, предмету и к средствам труда. Специфика исторической идентификации в рамках бытовой деятельности связана с особым пониманием того, чем является для человека быт. Согласно Ю.М. Лотману, быт есть «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах», включающее в себя не только привычки и нравы каждодневного поведения, но и «жизнь вещей», постоянно сопровождающих человека (способы их повседневного использования). Исследователи отмечают, что «быт – сложное, многоаспектное явление, состоящее из разнообразных, более или менее четко фиксируемых способов осуществления самых что ни на есть необходимых действий (устройство жилища, способы приготовления пищи, формы труда и отдыха), однако в своем историко-культурологическом измерении быт не сводим к простой сумме этих практических функций. Формы бытового поведения почти всегда обладают еще и внепрактическим (не сводимым к непосредственной функциональности) культурсемиотическим содержанием, производным от формы “культурной целостности”, предписывающей повседневным действиям тот или иной характер смыслополагания» [10, с. 113]. Так же важно помнить, что понятие «быт» указывает на непосредственно-практическое, хозяйственное, материальное устройство и уклад жизни, оно является выражением повседневности вообще как единства материального и духовно-нравственного. Дух прошлого, исторический опыт благодаря механизму исторической идентификации на данном уровне оказывается связанным с «инструментами отца», «кортиком деда», мебелью или домом предков. Еще более колоритным примером, указывающим на сферу быта как важную среду передачи исторических смыслов, является национальная кухня, национальная одежда и убранство дома. Обращаясь к сфере досуга, напомним читателю, что исследователи данной сферы жизни человека обычно отделяют «серьезный досуг» (устойчивые занятия и увлечения человека как составные элементы его жизни) и «случайный досуг», являющийся более простым по структуре и менее совершенным в исполнении. Если говорить о «серьезных» видах досуга, то надо признать, что не все они, конечно, даже в некоторых своих элементах обращены к прошлому. Вместе с тем количество форм досуга, так или иначе предполагающих обращение к историческому опыту, достаточно велико. Причем историческая идентификация в данном случае протекает посредством и в форме личной самоидентифика-

ции с тем или иным видом досуговой деятельности. Наиболее открытыми историческому опыту являются такие виды досуга, как коллекционирование, ремесло, художественные практики, спорт. В отношении спорта, например, можно с уверенностью утверждать о необходимом обращении к истории спортивных достижений и побед как важному источнику информации о прошлом. По крайней мере современный спорт представляет собой хронологию достижений и побед, постоянно изменяющуюся в связи с новыми результатами. Кроме того, наличие спортивных школ, традиций также формирует особое пространство передачи исторического опыта, участниками которого оказываются тренер, сама традиция и, конечно, воспитанники.

Интересный поворот проблемы возникает при обращении к такому атрибуту любого досуга, как праздник. Вместе с тем исследователи не склонны полностью растворять праздник в досуге: «...праздник принято противопоставлять будням, но, являясь частью досуговой сферы, он также принадлежит повседневности. Праздник характеризуется радостью и торжеством, привязан к определенному промежутку времени, наделен сакральным смыслом. Праздник нельзя отождествлять с досугом, хотя, безусловно, он требует наличия свободного времени и тщательной подготовки. И досуг, и праздник дают возможность человеку поиграть, представить себя в ином свете, освободиться на время от своих социальных ролей. Досуг объединяет людей, разделяющих определенные увлечения, а праздник объединяет всех, стирая расовые, половые, возрастные различия (к примеру, Новый год). Праздник более ритмичен и ритуализирован, чем досуг. Он привязан к конкретным датам и требует соблюдения традиций того общества, в котором данное событие празднуется. Досуг более вариативен и не имеет жестких предписаний. Опыт праздника есть у всех людей. Это культурное установление, причастным к которому становится каждый человек. Праздник противопоставляется труду, но также является частью повседневности» [10, с. 101–102]. Вместе с тем следует отличать семейный, личный праздник как коммеморативную практику от общенациональных празднеств, годовщин, юбилеев, значимых торжеств. Несмотря на то что механизм исторической идентификации как в одном, так и в другом случае одинаков, типы праздников имеют различное коммеморативное значение. В случае семейного или личного праздника предметом коммеморативной деятельности оказывается автобиографическое или семейное прошлое. Исторические события и даты в данном случае образуют некий общий фон становления личности, отдельных членов семьи или семьи в целом. Предметом коммеморативной деятельности на крупных общенациональных торжествах, наоборот, оказывается коллективное прошлое, где элементы автобиографии или семейной памяти оказываются лишь конкретизацией и дополнением.

Обратим внимание читателя на то, что повседневные и неповседневные коммеморативные практики, равно как и повседневная и неповседневная историческая идентичность постоянно переходят друг в друга. Например, такой широко распространенный вид коммеморативных практик, как туристическая поездка при известной частоте посещения мест памяти превращается в повседневность досуга и утрачивает свой непосредственно коммеморативный характер, что мы и наблюдаем в современных турах, где прошлое, а вернее, его опыт оказываются частью общей программы, наряду с другими развлечениями. Само прошлое оказывается, таким образом, структурированным и представленным (и, конечно же, в определенной степени «обновленным» и «изобретенным»), как это могло бы быть удобным для подобного поверхностного к нему отношения. Можно было бы привести и обратный пример, когда обилие праздников нивелирует значение самих праздников как важных мест встречи с опытом прошлого.

Деятельность идентификации осуществляется постоянно, а вернее, повседневная историческая идентификация формирует то стабильное и в то же время мозаичное пространство исторического опыта, актуализирующего те или иные воспоминания. Рефлексивным планом данного сопряжения опыта и памяти как раз и выступает историческое сознание, которое также не может быть завершено. Однако стабильный ход повседневной исторической идентификации нарушается неповседневной исторической идентификацией, которая через соответствующие коммеморативные практики формирует своеобразное историческое сознание и его целостность вокруг той или иной фигуры памяти или интерпретативного образа. Целостность исторического сознания, таким образом, на уровне практической деятельности оказывается постоянно разрушающейся и в то же время воссоздающейся в пределах новой конфигурации повседневных и неповседневных коммеморативных практик, где появление новых исторических смыслов (в том числе и официальных) оказывается соединено с медленными изменениями повседневной исторической культуры.

Таким образом, применение методологии деятельностного подхода к выявлению сущности массового исторического сознания актуализирует, во-первых, праксиологический аспект исследования, а во-вторых, проблему коммеморативных практик и их специфики в современном мире. Однако существующие исследования коммеморативных практик представляются недостаточными в силу того, что затрагивают по большей части официальные институты социальной памяти. В этой связи перспективный путь видится в выделении повседневных и неповседневных коммеморативных практик, а также определении специфики присущих им способов исторической идентификации. Среди повседневных коммеморативных практик, оказывающих наиболее важное значение на формирование и трансформацию массового исторического

сознания, выделяются практики труда, быта и досуга, нередко не укладывающиеся в пространство исторических смыслов государственной политики памяти и официального исторического сознания.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. V. 24. P. 105–140.
3. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
4. Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // *Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: Сб. ст. междунар. науч. конф.* Липецк; Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 16–22.
5. Щавелев С.П. Практическое познание. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 232 с.
6. Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности. Воронеж: ВГУ, 2008. 301 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
8. Searle J. The Background of Meaning // *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980. Pp. 223–240.
9. Нора П. Эра коммемораций // *Франция-память*. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 1999. С. 95–150.
10. Полякова И.П. Повседневность: история и теория (социально-философский аспект). Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 171 с.
11. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, УрГУ-ИФиП УрО РАН-РФО, 2007. 295 с.
12. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // *Цепь времен: проблемы исторического сознания*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–63.

COMMEMORATIVE PRACTICES AND MASS HISTORICAL CONSCIOUSNESS: THE METHODOLOGICAL ASPECT

A.A. Linchenko

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

The article is aimed at applying the methodology of the activity approach to the identification of the nature of mass historical consciousness thus actualiz-

ing the praxiological aspect of the research. It reveals the mediating role of commemorative practices in the relationship of social practice, social memory, and mass historical consciousness processes. The existing studies of commemorative practices should be interpreted as insufficient due to the fact that they are focused mostly on the official institutions of social memory. The article examines the everyday and non-daily commemorative practices, as well as the specific modes of their tools of historical identification. Among the everyday commemorative practices that have the most explicit influence on the formation and transformation of mass historical consciousness the practices of working, living, and leisure are of particular importance.

Key words: *activity approach, mass historical consciousness, historical identity, historical experience, social memory, commemorative practices.*

Об авторе

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент каф. философии ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», РАНХиГС, Липецк. E-mail: linchenko1@mail.ru.

Author information:

LINCHENKO Andrew – Ph.D., Assoc. professor of Philosophy Dept., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk. E-mail: linchenko1@mail.ru.